

моральный паеосъ, элементъ моральный въ немъ преобладаетъ и онъ принадлежитъ къ типу реформаторовъ, въ немъ есть нѣкоторое сходство съ Ламенэ. То, что называютъ его модернизмомъ, проистекаетъ совсѣмъ не изъ интеллектуальной потребности примиренія христіанства съ современной наукой, а изъ нравственной потребности въ правдѣ, онъ любитъ правду и ищетъ правды. Наименѣе углубленной у него остается проблема общества, которой посвящена послѣдняя глава книги. Онъ давно уже возсталъ противъ соединенія католиковъ съ Ш. Моррасомъ и «Action Française», что теперь признано и Ватиканомъ. Но мнѣ не представляется особенно сильной его защита либерализма милосердія и любви въ отличіи отъ отвергаемаго имъ либерализма безразличія. Слово либерализмъ тутъ невѣрно употребляется и напрасно отождествляется съ свободой. «Pages Choiesies» вполне характеризуютъ своеобразный образъ о. Лабертоньера, скорѣе религіознаго моралиста, чѣмъ метафизика.

Николай Бердяевъ.

Сергей фонъ-Штейнъ: Пушкинъ мистикъ. Историко-литературный очеркъ. Рига 1931. Стр. 117.

Вопросъ о религіозности Пушкина представляетъ незаурядный интересъ. Для исторіи русской литературы является очень характернымъ, что этотъ вопросъ до сихъ поръ не выясненъ, да даже и не поставленъ серьезно. Вѣдь даже о Гоголѣ, писателѣ наскъвозь религіозномъ, изслѣдователи ухитрились писать большія книги, въ которыхъ упоминалось объ отношеніи Гоголя къ религіи скорѣе въ качествѣ біографическаго курьеза, чѣмъ заслуживающей вниманія темы... «Переписка съ друзьями» была исключена изъ перваго изданнаго Госиздатомъ «Полнаго Собранія Сочиненій» Гоголя. Но далеко ли отъ этого ушло преподаваніе исторіи литературы въ дореволюціонной средней школѣ? «Переписка» была для преподавателей и авторовъ учебниковъ только біографическимъ анекдотомъ, въ лучшемъ случаѣ — трагическимъ уклономъ и срывомъ на пути Гоголя-художника!

Неудивительно, что историки литературы останавливались на «афеизмѣ» и кощунствахъ раннихъ лѣтъ Пушкина и не интересовались внутренними основами того *несомнѣннаго* перелома въ отношеніи къ религіи, который пережилъ Пушкинъ въ зрѣлые годы жизни. А какъ никакъ — отношеніе Пушкина, одного изъ величайшихъ представителей русскаго духа къ религіи представляетъ незаурядный интересъ для «духовной исторіи» Россіи. Поэтому берешь съ огромнымъ интересомъ въ

руки книгу подъ заманчивымъ заглавіемъ «Пушкинъ мистикъ», хотя и сомнѣваешься напередъ, чтобы тезисъ, возвѣщенный этимъ заглавіемъ, можно бы было убѣдительно доказать.

Чтеніе книги С. фонъ Штейна вызываетъ, однако въ читателѣ горьчайшее разочарованіе. Скажемъ больше, если эта книга заслуживаетъ какого-либо упоминанія (въ частности рецензіи на страницахъ «Пути»), то только потому, что она является показателемъ того глубочайшаго невѣжества въ религіозныхъ вопросахъ, которое все еще продолжаетъ господствовать въ извѣстныхъ кругахъ русской интеллигенціи, болѣе того — даже среди историковъ и историковъ литературы. Книга С. фонъ Штейна представляетъ, правда, и съ этой точки зрѣнія явленіе не совсѣмъ обычное. Авторъ ея — не начинающій писатель, а изслѣдователь, имѣющій за собою около пятнадцати лѣтъ научной работы, авторъ нѣсколькихъ (довольно слабыхъ) историко-литературныхъ трудовъ. Начитанность автора въ литературѣ о Пушкинѣ, да и вообще въ литературѣ исторіи русской словесности довольно значительна. Тѣмъ болѣе потрясающе дѣйствуетъ на читателя тотъ фактъ, что автору не понятны и не интересны простѣйшія явленія религіозной жизни. И если для ознакомленія со *внѣшними* фактами біографіи Пушкина г. фонъ Штейнъ считалъ своимъ долгомъ ознакомиться съ обширнѣйшей литературой, то проблемѣ религіозной жизни русскаго общества пушкинскаго времени авторъ и не изучалъ и не собирается изучать, рѣшая всѣ встрѣчающіеся ему вопросы «съ кондочка».

Ограничимся нѣсколькими примѣрами, характеризующими самый «стиль» книги. «Возможно... что и негритянская (абиссинская) наслѣдственность сыграла нѣкоторую роль въ предрасположеніи Пушкина къ мистикѣ — «Потомокъ негровъ безобразный», какъ называлъ себя самъ поэтъ, съ живымъ интересомъ относится къ Востоку. Онъ мечталъ

«Среди полуденныхъ зыбей,
подъ небомъ Африки своей,
вздыхать о сумрачной Россіи».

Онъ считалъ себѣ родными восточныя страны — колыбель загадочной для насъ мистической мудрости... Авторъ повидимому очень нетвердъ въ географіи, — отнесеніе «мистической мудрости востока» къ Африкѣ и Абиссиніи въ частности — одинъ изъ перловъ, какими полна вся книга. Въ томъ же родѣ — обозначеніе Я. Беме, какъ «романтическаго мистика того (пушкинскаго. Д. Ч.) времени» (стр. 36).

Наиболѣе примѣчательно, что авторъ пишетъ о «мистикѣ», но значеніе этого слова остается ему совершенно непонятнымъ! Къ «мистикѣ» отъ относитъ Сведенборга и Экарстгаузена, масоновъ

и «розенкрейцеровъ» — при чтеніи первой главы кажется, что авторъ вліяніемъ мистики на Пушкина и будетъ заниматься (данныя о вліяніи мистики въ Россіи въ Пушкинское время можно было бы, однако, еще значительно дополнить). Но въ слѣдующихъ главахъ понятіе мистики расплывается — въ нее попадаютъ отнюдь не мистическіе элементы Корана, вѣра въ вѣщіе сны, вѣра въ примѣты (испугъ Пушкина, пролившаго на скатерть масло), въ предчувствія, въ «магическую силу вещей», интересъ его къ сказкамъ (106), и даже къ вопросу объ обитателяхъ луны (къ слову сказать — тема типично «просвѣщенная»!). Всѣ рекорды безграмотности и безвкусія побиваетъ, однако, отнесеніе къ сферѣ «мистики» интереса Пушкина къ чревоушцателю, «вентрилоку» Ваттемару! Въ той же самой плоскости — и сближеніе увлеченія Пушкина азартными играми съ его «мистицизмомъ»!

Нечего и говорить, что съ такимъ багажемъ представленій о сущности религіозной жизни подходитъ къ изученію религіозности — то ли Пушкина то ли кого иного — совершенно невозможно. Вся книга С. фонъ Штейна есть нагроможденіе нелѣпостей и безвкусиць. И вотъ такая книга печатается, выходитъ въ свѣтъ, а рецензенты нѣсколькихъ большихъ русскихъ газетъ восхваляютъ автора за «интересный трудъ», — который — по собственному признанію рецензентовъ — не даетъ, впрочемъ, никакихъ положительныхъ результатовъ... «Все это было бы смѣшно...»

Д м. Ч и ж е в с к і й .

Н. О. Лосскій, Типы міровоззрѣній. Введеніе въ метафизику. 1931 г.

Новая книга Н. О. Лосскаго гораздо болѣе является «Введеніемъ въ метафизику», чѣмъ характеристикой «типовъ міровоззрѣній». Хотя въ книгѣ и проходятъ передъ читателемъ различныя міровоззрѣнія, но по существу всюду и во всемъ торжествуетъ лишь то міровоззрѣніе, которое защищаетъ самъ Лосскій, — а все остальное — это своеобразныя «ереси», анализомъ и исправленіемъ которыхъ занятъ нашъ авторъ. Въ качествѣ «введенія въ метафизику» съ тонкимъ, изумительно яснымъ и прозрачнымъ анализомъ разныхъ «ересей», какими для Н. О. Лосскаго являются міровоззрѣнія иного типа, чѣмъ его, — книга его заслуживаетъ самаго широкаго распространенія. Въ ней есть не мало новаго (сравнительно съ другими книгами Н. О. Лосскаго), особенно цѣнныя страницы, посвященныя проблемѣ матеріи. Замѣтимъ однако тутъ же, что какъ раньше, такъ и нынѣ Н. О.